

Гамлет

1835, источник: [здесь](#). С. Ф. УДАРЦЕВ. Рукопись М. А. Бакунина "Гамлет". СПб.: Издательство РХГА, 2015. — (Русский Путь).

Мы никогда не должны терять той нити,
которая связывает нас с вечностью.

М. А. Бакунин

Рукопись М. А. Бакунина (1814-1876) "Гамлет" в литературе неизвестна, хранится она в фонде Бакуниных в ИРЛИ (ф. 16, оп. 1, ед. хр. 17). Только Ю. М. Стеклов однажды упомянул эту рукопись среди других работ, не вошедших в "Собрание сочинений и писем" М. А. Бакунина. При этом Стеклов именовал ее "заметки о Гамлете" вместо авторского названия "Гамлет" и отмечал, что она составляет шесть страниц (в действительности — восемь страниц большого формата {См.: Ю. М. Стеклов. Предисловие. — В кн.: М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем под ред. и с примеч. Ю. М. Стеклова, т. П. М., 1934, с. 12. На рукопись "Гамлет" обращалось внимание в статье: С. Ф. Ударцев. К характеристике общественно-политических взглядов М. Бакунина 30-х гг. XIX в. (Некоторые неизвестные источники). Институт философии и права АН КазССР. Труды V научной конференции аспирантов соискателей. Алма-Ата, 1976 (Деп. в ИНИОН АН СССР, No 1155 от 14.02.1977).}).

Каждая эпоха по-своему переживает и осмысливает "Гамлета". Гениальному творению Шекспира свойственно быть современным для разных веков и народов. В 1830-х годах Бакунин и его друзья по кружку Н. В. Станкевича (В. Г. Белинский, К. С. Аксаков, В. П. Боткин, А. П. Ефремов, И. П. Ключников и др.) видели в "Гамлете" отражение своих исканий и сомнений, попытку ответить на вечные вопросы человеческого бытия. Молодые романтики ассоциировали себя с главным героем трагедии. Н. В. Станкевич писал своей невесте Л. А. Бакуниной (сестре М. А. Бакунина), что "Гамлет" потому одно из его любимых произведений, что "у нас много общего с героем пьесы" {Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830-1840. М., 1914, с. 509. Кстати, П. А. Кропоткин заметил об И. С. Тургеневе, близком в 1840-х годах Бакунину: "Он и некоторые из его лучших друзей были более или менее Гамлетами" (П. А. Кропоткин. Записки революционера. М., 1966, с. 375).}. Сравнивал себя и своих друзей с Гамлетом и Бакунин. В декабре 1835 г. он писал А. П. Ефремову: "Мы все слабы, все — Гамлеты. Кому из нас не приходило в голову, что мы — люди пустые, неспособные к подвигу ни даже к слабейшему усилию?" Но эти минуты слабости, считал он, необходимо преодолевать. "Нет, друг мой, — продолжал Бакунин, — в нас есть будущность, есть силы: употребим их с пользою, не дадим им заржаветь, не будем останавливаться — и тогда подвиг наш будет не бесплодный, совесть чиста. Главное состоит в том, чтобы духовную жизнь свою не покорять внешним обстоятельствам" {М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. I, с. 184.}. Последняя мысль для будущего революционера особенно важна. Он не раз возвращался к ней, пытаясь на примере Гамлета осмыслить степень и границы человеческой свободы. Два года спустя он писал сестрам: "Быть ко всему готовым — вот

главное, говорит Гамлет. И в самом деле, многие обстоятельства зависят не от нас, но они не должны пугать нас, мы должны принимать их с верою и любовью. В жизни нет случайности, все необходимо, и все необходимо для собственного блага человека" {Там же, т. II, с. 128. Белинский в своей большой статье о "Гамлете" также приводил эти слова. Он видел в них силу и величие Гамлета (см.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. II, М., 1953, с. 285). "Таким образом, — замечал П. В. Анненков, — Гамлет преобразился в представителя любимого философского понятия, в олицетворение известной формулы (что действительно, то — разумно)" (см.: Я. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 166).}. В тот же день в письме Н. А. и А. А. Беер, без ссылки на Гамлета, он замечал: "Главное это быть готовым ко всему и никогда не поступать противно своим верованиям" {М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. II, с. 82. Ю. М. Стеклов ошибочно датировал эти письма и поместил их отдельно друг от друга под NoNo 232 и 243. Ср. письма тем же адресатам: NoNo 232, 243, 236 (в действительности оно предшествует письму No 232), 237 (предшествующее No 243).}.

Судя по содержанию рукописи "Гамлет", переписке Бакунина с родными и друзьями, наиболее вероятное время написания ее — лето-осень 1837 г. (в Прямухине). Еще заметны следы влияния идей об "истинном отечестве" И. Г. Фихте и менее выражено — черты категорического императива И. Канта, но содержание рукописи уже преимущественно гегельянское. По-видимому, рукопись Бакунина была написана до создания Белинским известной статьи ""Гамлет", драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета", печатавшейся по частям в 1838 г., но не ранее лета 1837 г., когда Бакунин начинает серьезное изучение произведений Гегеля.

Указанная статья Белинского о "Гамлете" близка по своему философскому содержанию рукописи "Гамлет" (при всей оригинальности обеих работ). Отмечая близость взглядов и интересов Белинского, Бакунина и их друзей, Н. Г. Чернышевский писал: "<...> тогда все эти люди писали совершенно в одном и том же духе: разница была в том, что одни умели писать лучше других, но все, что говорил Белинский, говорили все друзья Станкевича, и, наоборот, Белинский высказывал только то, в чем одинаково были убеждены все. Так продолжалось до приезда Белинского в Петербург" {Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III. М., 1947, с. 218.}. Известно также, что Бакунин имел большое влияние на Белинского по вопросам толкования и развития идей немецких философов. В декабре 1837 г., когда Бакунин поселился на квартире у Белинского, последний начинал работать над большой статьей о "Гамлете". Своими гегельянскими идеями, новым видением мира Бакунин, как потом признавал не раз Белинский, потряс его {В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI, с. 271-272, 337, 387.}.

Статья Белинского и особенно рукопись Бакунина соответствуют идеям написанного в начале 1837 г. стихотворения М. Ю. Лермонтова "Смерть Поэта". Как и Лермонтов, Бакунин верит, что есть "грозный суд" ("божий суд"), который "не доступен звону злата", и что этот справедливый суд накажет даже и прикрывающегося щитом закона преступника. Кстати, тогда же, в год смерти А. С. Пушкина, Белинский встречался на Кавказе с Лермонтовым.

Необходимо отметить, что 1837 г. вообще был отмечен особенно сильным увлечением "Гамлетом". Это было связано с новой театральной постановкой трагедии в Москве в январе 1837 г. Способствовали этому и легкий, поэтический, более удобный для театра перевод

драмы Н. А. Полевым и блестящее исполнение главной роли П. С. Мочаловым¹. Шекспир и его "Гамлет" надолго оказались в центре эстетических интересов друзей Бакунина по кружку Станкевича {В. Г. Белинский, В. П. Боткин, М. Н. Катков, Н. Х. Кетчер и другие писали о Шекспире, переводили его произведения. См., например: П. В. Анненков. Указ. соч., с. 182; В. П. Боткин. Соч., т. II. СПб., 1891; В. П. Боткин. Письма М. А. Бакунину (публикация Б. Ф. Егорова). — Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 г. Л., 1980, с. 91, 108-109; В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, М., 1977, с. 657; Р. И. Сементковский. М. Н. Катков. Его жизнь и деятельность. СПб., 1892, с. 13; Николай Христофорович Кетчер. Воспоминания А. В. Станкевича, М., 1887, с. 13 и др.}. Молодые поклонники Шекспира старались не пропустить ни одного спектакля. Известно, например, что в январе — апреле 1837 г. Белинский был шесть раз на постановке пьесы {См.: В. Г. Белинский. Собр. соч. в 9-ти т., т. 9, с. 540.} и уже тогда собирался писать о "Гамлете" на московской сцене. На первом и втором представлении в январе 1837 г. был и Станкевич {Переписка Н. В. Станкевича, с. 509.}. Не мог остаться в стороне от увлечения своих друзей и Михаил Александрович. Это видно, например, из писем Белинского Бакунину летом и осенью 1837 г. (ответные письма Бакунина не сохранились). Есть основания предполагать, что Бакунин был вместе с Белинским на спектакле "Гамлет" 10 февраля 1838 г., когда жил у Белинского {В феврале 1838 г. Бакунин уезжал из Москвы к Беер в Шашкино. Известно, что назад он выехал оттуда 17 или 18 февраля и что собирался пробыть у них 3-4 дня и затратить на всю поездку "только неделю". Можно предполагать, что он выехал из Москвы вскоре после спектакля "Гамлет" 10 февраля. Ю. М. Стеклов, основываясь на неточном предположении о планах Бакунина, ошибочно считал датой его отъезда из Москвы 8 февраля. Ср.: М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. II, с. 132-133 (письмо Бакунина) и с. 445 (прим. редактора). Белинский был на "Гамлете" и 19 января 1838 г. В январе Бакунин временно выезжал из Москвы по делам сестры Варвары. 14 января Виссарион Григорьевич писал ему: "<...> я бы желал, чтобы ты приехал поскорее: в следующую пятницу (21 числа) бенефис Мочалова. Вчера я был у него, и он спрашивал, скоро ли ты приедешь. Я сказал, что, вероятно, ты поспеешь к его бенефису" (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI, с. 228). Попал ли Бакунин на спектакли 19 ("Гамлет") и 21 января ("Уголино"), неизвестно.}.

Разумеется, окончательно вопрос о датировке рукописи Бакунина и характере ее связи со статьей Белинского "'Гамлет", драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета" может быть решен лишь после обнаружения прямых доказательств. Выяснение этого вопроса особенно важно для определения роли Бакунина в генезисе новой философской интерпретации "Гамлета", намеченной этой статьей и другими работами Белинского. В последующее десятилетие новая интерпретация драмы становится господствующей {См.: Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965, с. 246.}.

Рукопись "Гамлет" представляет собой своеобразный перекресток английской поэзии, немецкой философии и русской духовной культуры 1830-х годов. Излагая свое понимание трагедии Шекспира, молодой философ ищет нити, естественные законы, связывающие человека с человечеством, с вечностью. Справедливость и право, место человека в мироздании, нравственные основы его существования, вечная борьба добра и зла — все это волновало молодого Бакунина и так или иначе отражено в рукописи "Гамлет". Рукопись пронизывает мысль о единстве человека и Вселенной, подчиненности их общим началам гармонии и справедливости. Философские рассуждения Бакунина о восстановлении

нарушенного закона меньше всего имеют в виду формальное право. Право понимается им в широком смысле, как фактор и элемент гармонии Вселенной.

Трагедию Шекспира Бакунин рассматривает через призму идей "Философии права" Гегеля. И эта связь не случайна. В России растет интерес к праву, уже ставшему тогда в некоторых странах средством охраны буржуазных свобод. В 1835 г. вступает в силу "Свод законов Российской империи" и открываются юридические факультеты. Позднее, в конце 1830-х годов, на юридический факультет Московского университета поступили сразу три брата Михаила Александровича, и сам он сблизился с молодыми профессорами юридического факультета, в частности с будущим ректором Петербургского университета гегельянцем П. Г. Редкиным². В то время Бакунин не исключал возможности в будущем, после учебы в Берлине, занять место профессора права в одном из российских университетов {См.: М. А. Бакунин, Собр. соч. и писем, т. II, с. 403.}. Об изучении Бакуниным летом 1837 г. "философии религии и права Гегеля" писал Станкевичу Белинский {В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI, с. 386. Сомнение Стеклова в достоверности слов Белинского необоснованно (см.: Ю. Стеглов. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. I. М., 1926, с. 47)}. Позже Стеглов признавал чтение Бакуниным "Философии права" Гегеля (см.: М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. II, с. 12). На первоначальное мнение Стеклова могла повлиять аналогичная неточность Корнилова (см.: А. А. Корнилов. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915, с. 395).}.

Рукопись "Гамлет" Бакунина — новое, неизвестное ранее свидетельство о проникновении идей гегелевской философии права в Россию. Рукопись созвучна этому произведению Гегеля прежде всего в вопросах понятия и сущности права, преступления, наказания. Молодой Бакунин воспроизводит здесь ряд важных идей "Философии права". Например, по Гегелю, как известно, мысль о праве не есть нечто, чем каждый человек обладает непосредственно. Образованность новой эпохи, замечает он, приняла новое направление, назрела "потребность основательно узнать, что должно быть признано правом" {Гегель. Соч., т. VII. М.; Л., 1934, с. 18-19. Перевод в 1934 г. был сделан с издания "Философии права", которым пользовался Бакунин.}. В рукописи почти дословно повторяется эта формула, но слово "что" выделяется не ударением, а подчеркиванием. Представление Гегеля о системе права как царстве реализованной свободы преломляется в сознании Бакунина в становлении "царства права". А мысль о наказании как "отрицании отрицания" права или отрицании преступления употребляется Бакуниным в виде "уничтожения уничтожения". При этом Бакунин близок к естественно-правовой интерпретации философии права Гегеля.

Рукопись "Гамлет" представляет интерес и для понимания Бакуниным известного афоризма Гегеля о разумности и действительности. Не все в действительности может быть разумно, как бы говорит Михаил Александрович, но разумное начало, справедливость все же восторжествуют, хотя для этого, может быть, понадобится прибегнуть к насилию.

Изложенные в рукописи взгляды на право и справедливость любопытны в плане последующей эволюции естественно-правовых идей Бакунина. Уже здесь он допускает возможность незаконности юридического закона, неправосудности официального суда, принадлежности монархической власти преступнику и превращения ее тем самым в преступную власть. Право не отождествляется с юридическими законами, оно выступает

как часть вечной гармонии природы. Юридическое же законодательство и государственная власть признаются способными быть орудием несправедливости. Бакунин еще далек от анархизма, но он близок к релятивистскому пониманию политико-правовых явлений.

Почему рукопись "Гамлет" не готовилась Бакуниным к опубликованию? Возможно, это частично объясняет письмо к нему Белинского от 12-14 октября 1838 г. "Ты приходишь ко мне, — вспоминал Виссарион Григорьевич, — и объясняешь, что не имеем права писать и печататься по недостатку объективного наполнения и действительности, а главное потому, что ни один из нас не может определить ни музыки, ни поэзии так, чтобы после нам никому не оставалось об этом сказать об этом сказать ни слова" {В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI, с. 337.}. Возможно, максимализм молодого Бакунина удержал его от обнародования рукописи; может быть, она и не предназначалась вовсе для опубликования и была написана для разъяснения самому себе драмы Шекспира через призму философских идей Гегеля.

Цитаты из "Гамлета", приводимые Бакуниным в рукописи, взяты из перевода М. Вронченко 1828 г. Сверка цитат произведена по экземпляру книги из библиотеки В. Г. Белинского, хранящейся в Отделе редких книг ГБЛ (шифр НН-33). Этот более точный и более полный перевод (по сравнению с упрощенным переводом Н. А. Полевого 1837 г.) высоко ценился друзьями Н. В. Станкевича. Перевод Вронченко был хорошо известен и в семье Бакуниных {См.: Переписка Н. В. Станкевича, с. 509.}.

М. А. Бакунин. Гамлет

Если каждое из произведений Шакспира {Особенность написания Бакуниным фамилии драматурга, очевидно, связана с английской транскрипцией слова (Shakespeare). Лишь в одном месте рукописи написано "Шекспир".} особенным образом свидетельствует о Гениальности великого Мастера, то Гамлет издавна считался его совершеннейшим созданием и всегда был принимаем с живейшим участием и с самым пламенным удивлением. — До какой степени это справедливо, может быть разрешено не иначе как после внимательного и подробного сравнительного обозрения всех произведений Шекспира. — Но довольно исключительного изучения одного Гамлета, для того чтоб убедиться, что эта драма есть великое создание, вышедшее из бесконечной глубины человеческого чувства и проникнутое, просветленное вечным пламенем Права и Нравственности, — создание, стоящее наряду с совершеннейшими произведениями Искусства. — И когда вся полнота души, сердца, когда Дух наш, увлеченный волшебною, в нем присутствующею силою, переносится в область блаженного, святого благоговения, — когда потрясенные до глубины нашего существования и погруженные в созерцание прекрасного мы ощущаем и священный трепет, и радость, и страдание вместе, и силою внутреннего, таинственного родства, неразрывно связывающего нас с предстоящим нам чудным созданием, мы уносимся в идеальный мир и из временного отечества переходим в вечное отечество свое и в нас утрачивается и самосознание и память о себе, — тогда Дух наш возвращается к самому себе для того, чтоб утвердиться в своей свободной самостоятельности. — мы созерцаем самих себя, восторг наш становится предметом нашего мышления, и разум требует у нашей индивидуальности отчета в ее индивидуальном наслаждении. — Он хочет знать, почему мы так предались чувству радости, — и сердце не

противоречит этому требованию; потому что оно не скупится своим наслаждением, оно желало б всем передать свое блаженство и хочет объяснить его себе, для того чтоб перелить его в других, с такою же ясностью. — Вследствие этого предается оно созерцающему разуму, и что видит разум, то заключает в слова определяющий рассудок, в слова, которыми пламенное сердце выговаривает свое содержание для других сердец, для других индивидуальностей.

И в противоположность душе, наслаждающейся произведением искусства в его живой целостности и полноте, самосознательный Дух, выговаривающий свои созерцания, должен раздробить эту полноту, для того чтоб, переходя постепенно от одной части к другой, в конце пути своего восстановить разбираемое им создание в его первобытной, органической связи, он должен отделить сначала Дух его от воплощения этого Духа или внутреннюю организацию от внешнего образа. И так как прекрасная Душа его есть единственный источник его прекрасного тела, то она должна быть первым предметом нашего разбора.

Обратившись к главному Содержанию Гамлета, мы с самого начала встречаем всеобщий вопрос: Чем оправдываются главные, основные черты его?

Брат убит братом, — для удовлетворения преступной страсти. Ужасное преступление, взывающее к небу, подобно первому братоубийству!

Злодеяние еще не открыто; совершил же его Король, в руках которого сосредоточены и суд, и исполнение суда. — И несмотря на это, оно должно быть открыто, доказанное преступление должно быть осуждено и оскорбленное Величество права отомщено и восстановлено в своей неприкосновенной святости. — Право, воля Господня {Под словом "бог" Бакунин подразумевал "дух всего человечества" (см.: М.А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. I, с. 185). Белинский в письме Бакунину от 12-14 октября 1838 г. писал о синонимах "божьей воли": "Воля божия есть предопределение Востока, *fatum* древних, провидение христианства, необходимость философии, наконец, действительность" (см.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI, с. 316). О склонности молодого Бакунина к атеизму см.: П. И. Моисеев. Критика философии М. Бакунина и современность. Иркутск, 1981, с. 16, 157. Об отношении Бакунина к религии в 1830-х годах см. также: Н. М. Пирумова. Бакунин. М., 1970, с. 19, 21 и др.; А. Д. Сухов. Атеизм передовых русских мыслителей. М., 1980, с. 204.} должна исполниться как на небе, так и на Земле. Для чувств, для намерений есть внутренний судья. — Когда же намерение стало повинным действием и действие переходит в сознание других, тогда разрывается гармония вечно звучащей симфонии Вселенной, тогда является в ней диссонанс, требующий разрешения, и человечество ждет возмездия за нарушения своего законного, вечного права: созерцать право свое в его непроходимой святости. Единое солнце должно светить вечно, и если темным облакам нельзя помешать возвышаться над землею, то им должно быть воспрещено укрепляться между ею и солнцем. И как верно то, что Бог присутствует на земле и что человечество вечно предстоит ему, так же верно, что ни одно преступление не останется без осуждения и без наказания. — И потому не должно быть такого открытого преступления, для которого не было бы открытого суда, и всякое лицо, поправшее священное право всеобщей неприкосновенности лиц, перестает само быть неприкосновенным. — Но когда право не осуществлено еще во всей полноты своей, когда внешнее существование его не вполне соответствует его внутреннему содержанию, тогда

владычествует оно в несовершенном образе всеобщей Немезиды или единичного Мщения, — и когда при таких обстоятельствах совершается преступление, для которого нет открытого суда, тогда уже не спрашивается: кто вправе мстить? — потому что Мщение по форме своей всегда неправо, — но спрашивается, кто по естественной необходимости должен и будет мстить? — Ответ не труден, он прямо вытекает из сердца. Кровь взывает к мщению, и страшный вопль ее должен отозваться в бьющемся сердце ближайшего по крови. — Ведь он живой член оскорбленного семейства, и потому он обязан восстановить неприкосновенность этого высшего Индивида, — неприкосновенность, нарушенную и не существующую до тех пор, пока (оскорбление) [так в тексте. — С. У.] не уничтожит своего виновника и в уничтожении его само не уничтожится. Отец убит, и сын стал главою семейства; он обязан свято хранить память отца своего в благодарном сердце и точно так же обязан восстановить святость Семейства наказанием преступника. — Король не подлежит власти законов, — и потому Гамлет призван быть Мстителем Отца своего.

Но как судья, так мститель должен увериться в преступлении, для того чтоб мщение не было бы вторым преступлением, — виновный должен быть уличен и судья должен достигнуть полной достоверности, прежде чем приступить к его наказанию. — В точности, внимательности и добросовестности исследования и уличения преступника является степень развития общественного быта, тонкость чувства и нравственности Судьи или Мстителя.

Что право вообще есть и что оно должно быть осуществлено, — чувствуется каждым и сознается даже полуобразованностью; потому что право есть единственный и всеобщий поправитель и хранитель всего. По для самого образованного бывает часто трудно узнать, что именно право во всех особенных случаях. — Право же, так как и всякая Идея, становится действительным только в полном соответствующем ему осуществлении, и только в осуществлении и в всеобщем признании своем становится оно Царством права. — И потому всякий знает, что Братоубийство должно быть наказано; Гамлет был с самого начала уверен, что за недостатком открытого суда мщение, исполнение Тайного приговора высшего, никогда не умолкающего права принадлежит ему как единственному сыну умершего брата, — и эта уверенность становится скрытым источником всех его чувств и действий. Но он еще не знает, в самом ли деле преступление было совершено и действительно ли брат убит братом и великая, светлая Душа его должна сомневаться в этом, до тех пор, пока преступление не станет ясно как день.

Но преступление глубоко скрыто, и обнаружить свои подозрения или начать открытые исследования было бы противно как неясности нравственного Чувства Гамлета, так и внешнему благоразумию. — И потому Судье и Мстителю должно помочь вечное всемогущество Правосудие, которого ни один преступник избежать не может. — Всякий преступник, невольно и бессознательно повинясь его ни чем неограниченной власти, сам себя предает суду: один, покорившись приговору своей совести, свободным сознанием слагает с себя преступление; другой, побежденный временным страхом или поздним стыдом, не внемлет карающему голосу этого внутреннего судьи, старается заглушить его и скрыть навсегда и от всех совершенное им преступление. — Но это-то старание скрыть неизвестное именно и рождает подозрение, и из подозрения рождается необходимость отвратить от себя дальнейшие исследования и смертью подозревающего утвердить свою

безопасность. — Одним словом, преступник всегда изменяет себе. — Худшее дерево приносит худые плоды, а по плодам узнается дерево. — Так было с Клавдием — королем Датским {Далее в рукописи сделан небольшой интервал и поставлен знак (вертикально-диагональный крест или перечеркнутое горизонтально "ж"), для того чтобы отделить следующую часть статьи.}.

* * *

Итак, Детская привязанность Гамлета к несчастному отцу, чувство, что он обязан отомщением за смерть и оскорбление родителя, и добросовестная осторожность, с какою он убеждается в преступлении, с одной стороны, а с другой — постепенное и невольное себяобнаружение преступника, — вот главные Моменты этого великого Суда, представленного нам Шекспиром как Органом высшей Истории. — И теперь всеобщее содержание драмы оправдано как необходимое; но эта необходимость не исключает Чувства Грусти, имеющей свое глубокое основание в том, что восстановление ближайшего кровного родства не иначе возможно, как чрез разрушение другой, также близкой естественной связи. — И как ни сильно и ни право чувство, побуждающее Гамлета к мщению, — убийца брат Отца его; и потому чем глубже пребывает в нем чувство права, тем менее должен он основываться только на одном Предчувствии; ни на воззвании Духа отца своего к Мщению, — потому что злой демон, облекшись в призрачный образ ночи, мог обмануть его. Ни на смущении Державного дяди-преступника при драматическом представлении его злодеяния, потому что смущение это могло иметь другие причины; ни даже на сознании самой Королевы, потому что для утверждения истины необходимы два свидетеля. — И мы видим, что тщетно является ему несколько раз тень отца его, тщетно потрясает его глубокое чувство, с которым Актер декламирует перед ним рассказ об убийстве Приама. — Он все еще не решается. И только когда он прочел изменническое письмо Короля, посылающего его на гибель, только тогда может подвигнуть его на решение (но еще не на действие) поход Фортинбраса, идущего с 20000-ми войска в Польшу для того, чтоб завоевать там маленький кусок земли:

— Быть истинно великим, значит
Не восставать без побуждений важных,
Но почитать великою безделку,
Когда о чести дело. — Что же я?
Ни смерть Отца, ни Матери бесчестье
И кровь мою и разум подстрекая,
Ничто, ничто меня не пробудило!
Упейся ж кровью, праведное мщенье,
Иль вовсе я ничтожное творенье!*

* *Гамлет, с. 132-133.*

Но и тут он все еще медлит, до тех пор, пока раненый Лаерт не открывает ему, что король отравил шпагу, которою он и Гамлет ранены, — и что яд, назначенный только ему, обратился и на Лаерта, и на месть его.

Теперь мера злодеяния исполнилась, — и только что теперь; потому что все последующие преступления короля были необходимыми следствиями первого, необходимыми следствиями братоубийства. — И теперь падает Король, так же неожиданно, как и брат его, — падает от шпаги, им же самим отравленной. — Предчувствие Гамлета сбылось.

Посмотрим! Как забавно подорвать
Подкопщика его ж снарядом!..*

* Там же, с. 121.

И Гораций выговаривает то же самое в конце драмы:

И хитростью устроенные казни,
И наконец напрасный замысл злобы
На голову виновников упавший".."*

* Приводится отрывок из следующих слов Горацио:

Незнающим я разгадаю тайну // Событий страшных многое открою: // Постыдные злодейства, преступленья, // Невольные убийства, суд небес, // И хитростью устроенные казни, // И наконец напрасный замысл злобы // На голову виновников упавший, // Мне все известно... (Гамлет, с. 192) После этой цитаты в рукописи диагональный крест и интервал обозначают новую часть.

* * *

С этой катастрофой непосредственно связана и судьба виновной Королевы. — Но если Гамлет был вправе мстить Дяде, почему не распространил он мщение свое и на мать, которая, увлекшись преступною страстью, изменила первому Супругу своему и невольно участвовала в злодеяниях брата его? — Потому что ничто не может разрушить своего предположения (Voraussetzung), своего корня, не разрушив самого себя; Самоуничтожение же есть бессмыслие (Ungedanke) {Немецкий перевод предыдущего слова здесь и выше сделан Бакуниным, изучавшим немецкую философию, очевидно, для большей точности мысли. Такие пояснения часто встречаются в рукописях молодого Бакунина. См., например, его конспект Энциклопедии Гегеля, напечатанный в приложении к указ. кн. А. А. Корнилова.}; потому что Мать носила сына под сердцем и с страданием родила его, и святость этих уз ничем не может и не должна быть разорвана.

Сама тень несчастного непримиренного
Отца выговаривает это:
Но что бы ты не предпринял для мести,
Страшись унижить душу умышленьем
На мать свою: оставь ее мой сын,
Суду небес, и терниям, с<o>крытым
В груди ее...*

* Цитируется по переводу М. Вронченко, с. 37-38. Н. Полевой перевел это место кратко:
Страшись вознесть на матерь руку, // Оставь ее терзаньям горести и скорби, // Отмсти

убийце!.. (Гамлет. Соч. Виллиама Шекспира. Перевод Николая Полевого. М., 1837, с. 47.)

И когда Гамлет, раскрывая перед Матерью картину ее преступлений, забывается и приближается к неистовству, — тогда Дух отца его является во второй раз для того, чтоб

вновь изощрить притуплённый <твой> замысел*,
но вместе и для того, чтобы укротить его: Но Матери ты видишь изумленье?
Стань между ею и ее душой —
Сильней в слабейших потрясаяшь душу,
Воображенье. Говори с ней, сын мой**.
* Гамлет, 1828, с. 117. ** Там же.

И Гамлет говорит с нею, — и говорит с полным, жгучим негодованием против ее преступления, но вместе и как сын, любящий мать свою:

Не став жесток, я не могу быть нежен*.
* Там же, с. 120.

КОММЕНТАРИИ

Впервые: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник (1984) / Предисл. редкол. ежегодника Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1986. С. 55-63. Печатается по этому изданию.

1 [Мочалов Павел Степанович (1800-1848) — актер, представитель романтизма в русском театре. В 1817 г. на московской сцене (с 1824 г. в Малом театре). Был наделен "пламенным" темпераментом, его игра отличалась бурной эмоциональностью, богатством оттенков, стремительными переходами от спокойствия к возбуждению. Прославился в трагедиях Шекспира (Гамлет) и Ф. Шиллера (Карл Моор в "Разбойниках", Фердинанд в "Коварстве и любви") и в "Горе от ума" Грибоедова (Чацкий).]

2 [Редкин Петр Григорьевич (1808-1891) — русский общественный деятель, педагог, юрист. Окончил Нежинский лицей. Профессор Московского (1835-1848) и Петербургского (1863-1878) университетов, преподавал историю философии и права. В 1840-х гг. играл видную роль в среде западников как один из наиболее последовательных гегельянцев.]

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 6 июня 2025 14:06:22

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 6 июня 2025 14:14:27